

И.Н.Тимофеев
МОДЕЛИ И КОНЦЕПЦИИ
СУВЕРЕНИТЕТА:
КОНКУРЕНЦИЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Суверенитет. Трансформация понятий и практик /
Под ред. М.В.Ильина и И.В.Кудряшовой. —
М.: Издательство МГИМО МИД России, 2008. — 228 с.

Исследование суверенитета давно вошло в число «горячих» тем российской политической науки. Первоначально этому способствовала потребность в осмыслении «парада суверенитетов» бывших советских республик. С появлением сепаратистских тенденций в некоторых регионах самой России и развитием вооруженного сепаратизма в Чечне актуальность данной проблематики еще больше возросла. Немалый интерес вызывал и вызывает также международный опыт — распад целого ряда стран и способность их наследников реально выполнять функции суверенных государств.

В этих условиях изучение моделей суверенных государств и концепций суверенитета выходит далеко за рамки абстрактных интеллектуальных упражнений. В быстро меняющейся политической обстановке без подобных разработок невозможны, в частности, системная экспертиза и обоснование позиции России по многим важнейшим аспектам ее внутренней и внешней политики, традиционно вызывающим критику со стороны зарубежных стран. Среди них — политика на Северном Кавказе, позиция по отношению к непризнанным государствам постсоветского пространства и др.

Проблема в том, что подходы к решению такого рода вопросов не формируются ситуативно, в логике «чистого листа». Позиции игроков, как правило, укоренены в особых системах восприятия, включая модели анализа и познания. Сложившиеся концепции, представления о сущности, природе и нормативном назначении суверенитета нередко оказывают принципиальное влияние на «дорожные карты» политических решений. В свою очередь, сами проблемные случаи имеют специфические исторические траектории, которые делают их в известном смысле уникальными.

Эти два обстоятельства часто накладываются друг на друга. При исследовании суверенитета неизбежно возникает соблазн попытаться вписать всю совокупность уникальных случаев в некую общую модель. Это вполне закономерно, так как без общих моделей и концептуальных рамок невозможно обобщение разнообразного эмпирического опыта и

выстраивание пригодных объяснительных теорий. Но тогда возникает целый комплекс вопросов. Почему страны, обладающие, казалось бы, сходными атрибутами суверенной государственности, демонстрируют разную способность выступать в качестве реальных суверенов? Почему суверенные государства по-разному реагируют на одни и те же вызовы изнутри или извне — например, на этнокультурную или языковую гетерогенность? Как при сравнении суверенных государств соблюсти баланс между уникальностью конкретных случаев и потребностью в более или менее единой системе критериев? Наконец, какие концептуальные модели и «аналитические линзы» наиболее адекватны при изучении тех или иных кластеров суверенных государств — скажем, старых и новых членов ЕС, ближневосточных монархий или балканских республик?

Поиск ответов на поставленные и иные аналогичные вопросы требует глубокого концептуального анализа, нацеленного не только на объяснение происходящих процессов, но и на расширение возможностей познания предмета. Именно на решении этих задач и сфокусирована недавно вышедшая монография под редакцией М.В.Ильина и И.В.Кудряшовой.

* * *

Хотя книга состоит из отдельных статей, посвященных различным аспектам проблемы суверенитета, ей присуща одна черта, выделяющая ее на фоне большинства других коллективных трудов. Речь идет о единстве аксиоматической базы. Все работы, включенные в монографию, так или иначе строятся на допущении о многовариантности суверенитета, о наличии различных типов суверенной государственности, к которым неприменима единая аналитическая модель. Природа суверенитета современных государств отличается большим разнообразием, а потому сравнение их по какой-то одной шкале обрекает нас на искажение действительности. Обоснование данного тезиса представлено уже на первых страницах монографии, в статье М.В.Ильина, где убедительно доказывается, что «горе-компаративисты», пытающиеся выстроить общую для всех государств схему суверенитета, ничем не отличаются от исследователя «собакошек», который никак не может понять, лают ли они или мяукают.

Руководствуясь указанным допущением, каждый автор, изучающий страновые казусы, делает акцент на их уникальности, выявляя особенности, которые не фиксируются или не улавливаются общими моделями. Однако уникальность таких казусов вовсе не означает, что их сравнение заведомо невозможно. Типологически близкие страны вполне могут объединяться в кластеры, обладающие теми или иными общими чертами. Иными словами, сравнение суверенитетов должно носить не глобальный характер, в духе «золотого века» компаративистики 1960-х годов, а матричный, сетевой, где каждая ячейка покрывает

специфический кластер типологически сходных суверенов. С одной стороны, ячейки этой матрицы расположены в пространстве — в исследовании по принципу «моментального снимка» такая матрица фиксирует различия между кластерами суверенных государств, существующих в современном мире. С другой стороны, они локализованы во времени — структура суверенных государств и само содержание суверенитета в каждом кластере исторически меняются, а следовательно, используемые модели и концепции должны быть адаптированы к конкретным историческим условиям.

Стоит заметить, что в рассматриваемом допущении нашел отражение особый подход к построению концепций, в принципе присущий МГИМОвской школе политической науки. Согласно этому подходу, концепция предполагает актуализацию специфических составляющих или характеристик понятия, пусть даже в ущерб иным характеристикам. Подобная актуализация осуществляется либо на основе нормативных представлений, которые по определению конкурируют с другими нормативными представлениями, либо исходя из эмпирического контекста, диктующего выбор тех составляющих понятия, которые наиболее пригодны для исследования данной совокупности случаев. В любом случае построение концепции — это вовсе не поиск некоей интегрированной модели, охватывающей максимально широкий набор черт изучаемого явления¹. В монографии под редакцией М.В.Ильина и И.В.Кудряшовой представлены обе ипостаси такой актуализации: и конкуренция концепций суверенитета, применимых к различным кластерам суверенных государств, и осмысление эволюции концептуальных представлений о суверенитете, диктуемых историческими и региональными особенностями.

Помимо базовых допущений, включенные в монографию статьи объединяет общность методологических координат. Можно выделить два метода, которые проходят сквозь работы всех авторов.

В первую очередь это исторический метод — исследование суверенных государств и суверенитета с точки зрения траекторий их исторического развития. Такие траектории зачастую обуславливают появление черт, с трудом поддающихся изменению «здесь и сейчас». Другими словами, инерция прошлого препятствует произвольной трансформации сложившихся структур. Создавать институты суверенитета «с чистого листа» всегда проще, нежели перестраивать имеющиеся. В последнем случае вновь возникающие образования неизбежно вбирают в себя элементы существовавших ранее, образуя нечто вроде «кораллового рифа»². Поэтому для постижения природы специфических случаев или кластеров суверенных государств необходимо выяснить, что сделало их такими, какие они есть. Иначе говоря, необходимо подвергнуть их «археологическому исследованию»³.

Другая методологическая установка, которая присутствует в монографии, хотя явно и не обозначается авторами, близка к структуралистскому подходу. Она подразумевает, что слова и смыслы имеют

¹ См., напр. Ильин 1997: 22; Алексеева 2003: 57.

² Ротштейн 1999: 161.

³ Здесь представляется вполне уместным упомянуть замечание Р.Нисбета о том, что «мы обращаемся к истории и только к истории, если то, что мы ищем, — реальные причины, источники и условия открытого изменения моделей и структур в обществе. Вопреки обывательской мудрости современных социальных теорий, мы не найдем объяснения изменениям в тех исследованиях, которые абстрагируются от истории» (цит. по: Валлерстайн 2001: 20).

значение. Требуется изучить не только историческую динамику суверенных государств, но и трансформацию смысловых интерпретаций суверенитета, в том числе предлагаемых представителями самих исследуемых государств. Речь идет о генеалогии концепций суверенитета, о своего рода археологии знания о суверенитете, о выявлении понятийных структур, которые сделали появление тех или иных моделей суверенитета возможным.

Следует отметить, что этот структуралистский акцент монографии носит весьма сбалансированный характер. Авторы не замыкаются на выявлении смысловых структур и не переоценивают их значение. Методологически работа более раскрепощена по сравнению с трудами классиков структурализма. Но она не переходит и в другую крайность — к сведению реальности к тексту в духе Деррида или к отрицанию аналитической функциональности концептуальных систем как таковых. Вместе с тем понимание связи систем восприятия и знания с эмпирическими образцами суверенитета сообщает работе методологическую гибкость, независимо от того, являются ли эти системы простым отражением реальности или сами определяют эту реальность. Гибкость заключается в способности выйти за пределы используемых аналитических моделей, сделать предметом рефлексии не только реальность, но и модели ее познания.

Исходя из обозначенных методологических установок, совокупность представленных в книге статей делится на две части. Первая посвящена археологии знания, вторая — археологии опыта. Подзаголовок монографии «Трансформация понятий и практик» и ее композиция имеют, таким образом, весьма жесткую методологическую привязку.

* * *

Первую часть монографии открывает статья *М.В. Ильина*, который подходит к проблеме суверенитета как бы «с высоты птичьего полета». Прежде всего он выделяет концептуальное ядро понятия, выстраивая своего рода аналитическую иерархию. В ее основе лежит представление о суверене как о высшей политической инстанции на данной территории. Далее следует суверенность — то, что позволяет этой инстанции выполнять свои функции, обеспечивает ее легитимность, и, наконец, суверенитет как политический принцип, обладающий системными свойствами, — он не только определяет наличие суверенов как таковых, но и их постоянное взаимодействие и сосуществование.

Чрезвычайно важной является привязка этой модели к конкретным историческим и культурным условиям. Суверенитет трактуется как атрибут модернизации, географическим центром которой выступает Западная Европа. Хотя этимологические корни и многие практики суверенитета возникли задолго до эпохи раннего модерна, именно на излете средневековья формируются первые прообразы международной

системы, объединяющей политические образования, впоследствии превратившиеся в суверенные государства. Вместе с тем появление подобных образований следует рассматривать вкуче с другими процессами. В материальной сфере речь идет о зарождении капитализма, в духовной — о крупных мировоззренческих трансформациях, к числу которых относится в первую очередь Реформация с ее установкой на автономию светской власти. Кроме того, М.В.Ильин указывает на ряд внешнеполитических событий, таких как Итальянские войны.

Принципиальное значение имеет также тот факт, что формирование суверенных государств шло по разным траекториям, соответственно порождая и различные их типы — начиная с централизованных династических образований и заканчивая протофедерациями, организованными снизу. В дальнейшем многообразие суверенных государств только возрастало, тем самым делая более сложными и разнообразными нормативные концепции суверенитета.

Одним из аспектов конкуренции между такими концепциями в западной политической мысли выступает обоснование легитимности и источника суверенитета. Этот вопрос исследуется в статье *Г.И.Мусихина*. Консервативная трактовка подразумевает обоснование монархического или сословного суверенитета через авторитет монарха как его физического носителя. Именно так обосновывался суверенитет в большинстве династических монархий. Роль народа в подобных концепциях преимущественно пассивна и сводится к легитимации существующего порядка. Как отмечал в одной из своих работ Ч.Тейлор, «в старые добрые времена Австро-Венгерской империи польский крестьянин в Галиции мог совершенно забыть о существовании венгерских помещиков, пражской буржуазии или венских рабочих, и это никоим образом не угрожало стабильности государства. Как раз напротив — поддерживало стабильность»⁴. Суверенитет в консервативной интерпретации базируется на триаде монарх—закон—традиция (в радикальном французском консерватизме с упором на первую составляющую, в британском — на вторую и третью).

⁴ Tailor 1999: 270.

Последующее развитие капитализма все больше расшатывает этот порядок. Историческим апогеем здесь становится революция 1789 г. во Франции, а концептуальным прорывом — идеи французского Просвещения. Суверенитет принадлежит исключительно народу и может быть осуществлен только через систему представительства. Именно после 1789 г., как подчеркивает Г.И.Мусихин, началась конкуренция концепций суверенитета в монархической (консервативной) и революционной (либеральной, республиканской) интерпретации. Вместе с тем обе концепции постоянно эволюционировали. Первая пыталась адаптироваться к вызовам времени, связанным с модернизационными процессами; вторая двигалась от идеи суверенитета народа к идее суверенитета нации как политического сообщества. Но вплоть до начала XX в. ни одна из конкурирующих моделей не получила явного преимущества в практической политике.

Распад четырех империй после первой мировой войны, разложение колониальной системы, а затем и крушение Советского Союза, лишь по форме отвечавшего республиканской модели суверенитета, казалось бы, должны были привести к завершению этой конкуренции концепций, а значит, в известном смысле и к окончанию истории суверенитета. Однако на деле конец истории суверенитета — не более чем иллюзия, и в монографии можно найти тому немало подтверждений.

Прежде всего, совершенно особым является казус России. Эволюция отечественного дискурса о суверенитете обстоятельно рассмотрена в статье **Е.Н.Рощина**. «Археологическое исследование» российских интерпретаций того, что сегодня принято называть суверенитетом, показывает их существенное отличие от европейских. Сближение этих интерпретаций началось только в XIX в., причем для российского дискурса понятие суверенитета было во многом вторичным. Более того, оно оказывалось своего рода «лишней сущностью» для российской практики — преимущественно пользовались понятием верховной власти, верховных прав и самодержавной власти, носителем которых выступал государь. В конце XIX в. понятие суверенитета постепенно входит в российский дискурс, но в весьма специфической трактовке. Оно означает, в частности, независимость и внешнеполитическую субъектность государства, вбирая в себя, таким образом, часть смысла, присущего ранее понятию самодержавия. В целом же, как отмечает автор, распространение этого понятия в российском дискурсе было связано скорее с ростом популярности западных теорий, нежели с расширением знаний о собственно российской политике.

Особого внимания заслуживают рассуждения Е.Н.Рощина о той роли, которую сыграли в утверждении в России понятия «суверенитет» национальные окраины, использовавшие его в противовес верховной имперской власти. Позднее предложенная ими интерпретация суверенитета была взята на вооружение большевиками, трансформировавшись в тезис о самоопределении наций, который, будучи положен в основу институциональной организации Советского Союза и прописан в конституционных документах, впоследствии стал важным формально-юридическим основанием для выхода союзных республик из состава СССР⁵.

⁵ Достаточно вспомнить, что ст. 76 Конституции СССР 1977 г. определяла союзную республику как «суверенное советское социалистическое государство», ст. 72 наделяла каждую республику правом свободного выхода из Союза, а ст. 80 оговаривала их право вступать в дипломатические отношения с другими государствами (цит. по: Кукушкин, Чистяков 1987: 337—340).

Вообще, конституции служат важным индикатором разнообразия национальных концепций суверенитета. Данная проблема детально анализируется в статье **Я.И.Ваславского**. Если в европейских странах и США роль носителя суверенитета, как правило, закреплена за народом и его реализация предполагает значительную дисперсию власти, то в ближневосточных монархиях в этой роли выступает монарх, причем источник суверенитета имеет божественный, а власть — синкретический характер. В этом смысле конституции упомянутых стран находятся на разных хронополитических ступенях. Можно выделить и целый ряд промежуточных вариантов (страны Юго-Восточной Азии,

Ближнего Востока и Магриба), при которых формальным сувереном является народ, но дисперсия власти оказывается лишь юридической декорацией.

* * *

Во вторую часть книги включены работы, посвященные исследованию новейших тенденций в функционировании суверенных государств в различных региональных контекстах. В открывающей ее статье **Л.Е.Гринина** современные трансформации суверенитета объясняются влиянием глобализационных процессов. Основной тезис автора состоит в том, что глобализация ведет к сокращению набора функций, выполняемых суверенным государством, то есть к размыванию суверенитета. В подтверждение своей мысли Л.Е.Гринин ссылается на растущую взаимозависимость государств и увеличение числа интеграционных механизмов, что способствует расширению тех сфер функционирования современного государства, в которые может вмешиваться международное сообщество.

Этот вывод, достаточно распространенный среди исследователей-международников, получает оригинальную трактовку в работе **И.М.Бусыгиной**. Говоря о размывании суверенитета и делегировании государственных полномочий наднациональным органам, сторонники упомянутой точки зрения часто апеллируют к опыту Европейского Союза. Действительно, отмечает И.М.Бусыгина, в Европе система национальных государств с четко очерченными границами и национальными интересами приобретает иное качество. Но это не означает, что на ее месте образуется некий новый суверен — супергосударство. Речь идет о гибкой многоуровневой системе, носящей скорее сетевой характер. Традиционная концепция суверенитета здесь неприменима. Определенные функции переходят в сферу компетенции ЕС (причем не следует забывать, что их передача диктовалась прежде всего экономическими интересами государств-членов, то есть инициировалась снизу, а не сверху). В некоторых областях решения принимаются в межгосударственном формате. Другие, такие как оборона и внешняя политика, практически целиком остаются в ведении государств. Иными словами, трансформацию европейского сообщества нельзя понимать в механистическом ключе, как отказ государств от ряда полномочий в пользу нового суверена. Это многомерное образование требует особой концептуальной интерпретации. В связи с этим интересно отметить, что традиционные европейские концепции суверенитета эпохи модерна уже неприменимы собственно к Европе, являясь для нее «вчерашним днем».

Совершенно иная динамика суверенитета характерна для новых балканских государств, опыт которых анализируется в статьях **Е.Г.Пономаревой** и **А.В.Абрамова**. В отличие от стран Западной Европы, добровольно передавших часть функций наднациональному сообществу,

экс-югославские республики не обладали сколько-нибудь развитыми традициями суверенитета. Получив независимость, большинство из них столкнулось с множеством внутренних и внешних проблем, заметно ослабивших их способность выполнять функции суверенов. С одной стороны, не будучи национально консолидированными, они не имели эффективных механизмов общественной демократии, которые могли бы сгладить существующие в них глубокие этнокультурные разломы (как это происходит, например, в Индии). С другой стороны, сразу же после обретения государственного статуса они оказались втянуты в орбиту влияния крупнейших глобальных игроков, прежде всего США. В итоге целый ряд принципиальных решений, определявших дизайн этих государств, принимался при непосредственном участии международных структур, таких как НАТО или ОБСЕ. Цена же хотя бы частичного выхода из «управленческой ловушки» была чрезвычайно высока (случай отделения Косова от Сербии).

Таким образом, центр и периферия Европы демонстрируют принципиально разные модели делегирования суверенитета. Если в центре соответствующий процесс развивается снизу в интересах национальных государств (именно это и придает ЕС многомерность и гибкость), то на периферии он в основном навязывается извне и далеко не всегда отвечает интересам самих государств. Как подчеркивает Е.Г.Пономарева, стимулированное внешними игроками высвобождение локального этнического национализма из-под контроля государства лишь обостряет внутренние проблемы балканских стран, а не способствует их решению. Динамика суверенитета новых балканских стран иллюстративно раскрывается А.В.Абрамовым на опыте Боснии и Герцеговины, конфедеративного образования, которое в настоящее время, по мнению автора, является скорее псевдогосударством, по многим параметрам сходным с бывшими колониями. Вместе с тем, констатирует А.В.Абрамов, это единственный на сегодняшний день пример успешного вмешательства международного сообщества в разрешение кризисных ситуаций в регионе.

В случае Ближнего Востока, исследованию которого посвящена статья *И.В.Кудряшовой*, этнический фактор также изначально подрывал существующие государственные образования. Попытка построения в конце XIX в. единой османской нации, объединяющим стержнем которой выступал бы принцип гражданского равенства, лишь усилила этнический национализм на окраинах империи. Не привел к решению проблемы и раздел Ближнего Востока на отдельные территории, осуществленный великими державами после первой мировой войны, — территориальные размежевания, произведенные в рамках мандатной системы, носили искусственный характер и не столько смягчали, сколько усугубляли межэтнические противоречия. После окончания второй мировой войны и обретения независимости страны региона прошли новую точку бифуркации. Ее суть условно можно охарактеризовать как выбор между интеграцией в крупные государственные сообщества, где

лояльность населения имеет прежде всего этнические и религиозные корни, и сохранением в качестве самостоятельных единиц, лояльность к которым стоит главным образом на преданности собственно государству. Сделав выбор в пользу второй альтернативы, эти страны добились немалых успехов в деле модернизации своих бюрократических систем. Именно совершенствование бюрократии и укрепление центральной власти, а не гражданское равенство и демократические процедуры стали здесь основным механизмом преодоления внутренних конфликтов и угроз политического экстремизма. Однако в связи с односторонностью политической модернизации данные страны оказались не в состоянии дать ответ на целый ряд встающих перед ними проблем. Среди них — расширение основ легитимности существующих режимов, преодоление отсталости по таким параметрам, как качество жизни, и др. Иными словами, развитие суверенитета государств Ближнего Востока во многом определяется конфликтом между потребностью в эффективной и оперативно действующей бюрократии, с одной стороны, и в расширении народного суверенитета — с другой. Необходимость взаимной адаптации этих двух императивов представляет собой серьезный вызов для ближневосточных стран.

* * *

Уделив огромное внимание страновому материалу, а также концептуальному анализу понятия суверенитета, монография, к сожалению, оставляет за скобками одну крайне важную тему, которую условно можно обозначить как «уроки для России». Практически каждая включенная в книгу статья способна служить основой для осмысления современного российского опыта и прогнозирования дальнейшей динамики суверенитета в российском контексте. Концептуальная часть монографии создает фундаментальную базу для анализа изменений российского дискурса о суверенитете после распада СССР — начиная с лозунга «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» и заканчивая концепцией «суверенной демократии». А страновые разработки позволяют сопоставлять Россию с другими региональными кластерами не только в пространственном, но и во временном разрезе, ведь многие из стоящих перед ней сегодня проблем так или иначе переживались другими странами в прошлом или встанут перед ними в будущем. Балканский опыт предостерегает от ослабления «технократической» составляющей суверенитета — в условиях развертывания глобализационных процессов слабые государственные институты увеличивают издержки глобализации, не позволяя использовать ее преимущества. В свою очередь, ближневосточный опыт свидетельствует о том, что сугубо «технократический» суверенитет не может гарантировать устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Наконец, опыт ЕС показывает, что вертикальные межгосударственные структуры, основанные на иерархии и отношениях подчинения, уходят в прошлое, а значит, российские

интеграционные проекты, чтобы быть успешными, должны строиться на принципах гибкого сетевого взаимодействия, гармонизирующего интересы сторон. Не вызывает сомнений, что подобная разработка проблематики суверенитета применительно к российским реалиям была бы крайне полезна не только для научного, но и для политического сообщества страны.

Библиография

- Алексеева** Т.А. 2003. *Политическая философия. От концепций к теориям.* — М.
- Валлерстайн** И. 2001. Рождение и будущая кончина капиталистической миротсистемы: концептуальная основа сравнительного анализа // Валлерстайн И. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире.* — СПб.
- Ильин** М.В. 1997. *Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий.* — М.
- Кукушкин** Ю.С., Чистяков О.И. 1987. *Очерк истории Советской Конституции.* — М.
- Ротстайн** Б. 1999. Политические институты: общие проблемы // Гудин Р., Клингеманн Х.-Д. (ред.) *Политическая наука: новые направления.* — М.
- Taylor** Ch. 1999. Democratic Exclusion (and its Remedies?) // Cairns A.C. et al. (eds.) *Citizenship, Democracy and Pluralism.* — Montreal, Kingston.